

ДОН НИГРО

АНАРХИЯ

Пендрагон-Армитейдж

Дон Нигро

Анархия

«Автор»

Нигро Д.

Анархия / Д. Нигро — «Автор», — (Пендрагон-Армитейдж)

Входит в цикл «Пендрагон-Армитейдж». Девять актеров (3 женские и 6 мужских ролей). Ввод в пьесу о судебном процессе и казни знаменитых анархистов Сакко и Ванцетти журналиста Джона Риса Пендрагона, одного из основных персонажей цикла «Пендрагон-Армитейдж», и его дочери Анны, у которых весьма непростые отношения, закручивает интригу сюжета и придает ему дополнительную динамику. Читается пьеса на одном дыхании и, скорее всего, так же будет смотреться. И развязка замечательная.

Содержание

Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дон Нигро

Анархия

Дон Нигро «Анархия». Входит в цикл «Пендрагон-Армитейдж». Девять актеров (3 женские и 6 мужских ролей). Ввод в пьесу о судебном процессе и казни знаменитых анархистов Сакко и Ванцетти журналиста Джона Риса Пендрагона, одного из основных персонажей цикла «Пендрагон-Армитейдж», и его дочери Анны, у которых весьма непростые отношения, закручивает интригу сюжета и придает ему дополнительную динамику. Читается пьеса на одном дыхании и, скорее всего, так же будет смотреться. И развязка замечательная.

Действующие лица:

СЛЕДОВАТЕЛЬ/МЕДЕЙРОШ/ГУБЕРНАТОР

САККО

ВАНЦЕТТИ

ДЖОН РИС ПЕНДРАГОН¹

МИССИС ДЖОНСОН/БЕДНАЯ ЖЕНЩИНА/ ДОРОТИ ПАРКЕР

АННА ПЕНДРАГОН

ГВИДОБОНЕ/МОРЕЛЛИ

СУДЬЯ ТЕЙЕР

РОЗА САККО

Декорация:

Простая единая декорация, состоящая из нескольких стульев и столов, становится, по мере необходимости, тюремными камерами, двором для прогулок, кабинетами, помещениями для допросов, залом суда, театром, номером отеля, чем бы то ни было. По центру на возвышении стол судьи, рядом кресло свидетелей. Актеры переходят от картины к картине без пауз и смены декораций.

¹ Один из главных персонажей саги «Пендрагон-Армитейдж», сын Гэвина Роуза, отец Джона Роуза и Джессики Армитейдж. Появляется в пьесе «Тристан».

Действие первое

1

(Два круга света, каждый окружен темнотой, в одном, справа, САККО, сидит на деревянном стуле, в другом, слева, ВАНЦЕТТИ, сидит на деревянном стуле. Мы слышим наложение двух отдельных допросов).

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*голос из темноты*). Куда вы ходили с этим пистолетом?

САККО. Никуда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. То есть вы просто ездили по городу с пистолетом, никуда конкретно не собираясь?

САККО. Я ничего не сделал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда чего вы так волнуетесь?

ВАНЦЕТТИ. Я не волнуюсь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Выглядите вы взволнованным.

САККО. Я не волнуюсь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вы делали в том гараже?

ВАНЦЕТТИ. Пришли, чтобы взять автомобиль.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зачем вам понадобился автомобиль?

САККО. Это автомобиль нашего друга.

ВАНЦЕТТИ. Мы оказывали услугу. Нашему другу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Какому другу? Как его звали?

САККО. Я не помню его имени.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы пришли, чтобы взять автомобиль вашего друга, но не помните его имени?

ВАНЦЕТТИ. Я знаю, как он выглядит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И как он выглядит?

ВАНЦЕТТИ. Не знаю, как сказать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Низкорослый? Высокий? Толстый? Худой?

САККО. Я не знаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зачем вашему другу понадобился автомобиль?

САККО. Чтобы поехать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Поехать куда?

ВАНЦЕТТИ. Просто покататься.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему вы лжете?

ВАНЦЕТТИ. Я не лгу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы солгали насчет пистолета.

САКО. Я не хотел, чтобы его забрали.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Если вы собирались только взять автомобиль, зачем вам понадобился пистолет?

ВАНЦЕТТИ. Зачем ВАМ нужен пистолет? Зачем всем нужен пистолет?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Когда-нибудь бывали в Саут-Брейнтри?

САККО. Я не знаю.

ВАНЦЕТТИ. Думаю, что нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Когда-нибудь ездили в гости к вашим друзьям-анархистам?

ВАНЦЕТТИ. Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так у вас есть друзья-анархисты?

САККО. Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда кто вы? Коммунисты?

САККО. Коммунисты? Я – не коммунист. Они глупые люди.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вы – не глупые?

САККО. Я – сапожник. Делаю обувь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И зачем сапожнику носить с собой пистолет?

САККО. Для защиты.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Защиты от кого? Пиратов?

САККО. Америка – опасное место.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Только с тех пор, как мы начали пускать таких отморожков, как вы.

ВАНЦЕТТИ. Кто такой отморожок? Не знаю я такого слова.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Преступник.

ВАНЦЕТТИ. Я – не преступник. Я продаю рыбу. Иногда ношу при себе семьдесят, восемьдесят долларов. Здесь человека могут ограбить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Или убить.

САККО. Да. Человека могут убить. Особенно бедного человека. Особенно итальянца в чужом районе, где его не знают и не любят, потому что он приехал из другого места.

ВАНЦЕТТИ. Послушайте, мистер. Я не сделал ничего плохого. Могу я теперь пойти домой?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Бода – ваш друг?

ВАНЦЕТТИ. Кто?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Бода. Человек, которому принадлежит автомобиль. Разве он – не ваш друг?

САККО. Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы сказали, что человек, которому принадлежал автомобиль, ваш друг. Бода – владелец автомобиля. Друг он вам или нет?

ВАНЦЕТТИ. Я не очень хорошо его знаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Орчиани – ваш друг?

САККО. Почему вы меня об это спрашиваете? Что, по-вашему, я сделал?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы знаете Орчиани?

ВАНЦЕТТИ. Не так, чтобы хорошо.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хорошо, вы, похоже, никого не знаете.

САККО. Вас я знаю более чем хорошо. Такие, как вы, на родине мне встречались не раз.

ВАНЦЕТТИ. Я здесь чужак. Людей не знаю. Просто пытался выжить. Я никого не трогаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Орчиани – коммунист?

ВАНЦЕТТИ. Никто, у кого есть хотя бы половина мозга, коммунистом быть не может.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы знали, что ваш друг Бода грабит перевозчиков заработной платы?

САККО. Я не понимаю вашего английского.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Все вы понимаете.

ВАНЦЕТТИ. Я ничего не знаю о перевозке заработной платы. Я продаю рыбу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Бода грабит перевозчиков заработной платы и убивает невинных людей, вы забирали из гаража его автомобиль, ходите с оружием, и ничего не знаете, о том, что он делает? Такова ваша версия?

САККО. Бода никого не убивал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда это ваша работа. Вы признаете, что убили их?

ВАНЦЕТТИ. Я ничего не признаю. Я не понимаю вашего английского.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Если Бода не стрелял, тогда стреляли вы.

САККО. Я ничего такого не делал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, это ваших рук дело? Вас и вашего друга Ванцетти.

САККО. Я не понимаю, что вы говорите. Что вы говорите?

ВАНЦЕТТИ. Я в жизни ни в кого не стрелял.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда почему, по-вашему, мы вас арестовали?

САККО. Да откуда мне это знать? Я понятия не имею, почему вы что-то делаете. Вам не нужна причина для того, чтобы арестовать итальянца. Вам не нужна причина, чтобы запереть его в камере, орать на него, бить.

ВАНЦЕТТИ. Я не знал, что вы об этом. Я думал, дело в оружии. Насчет того, что у нас оказалось оружие. Я ничего не знаю ни о каких ограблениях. Я ничего не сделал. Я ничего не сделал.

(Свет, падающий на ВАНЦЕТТИ, гаснет. САККО остается в круге света).

2

(РИС выходит в свет, из правой кулисы, пододвигает деревянный стул к САККО, садится).

САККО. Я рассказал все, что мог. Больше мне говорить с вами не о чем.

РИС. Я – не коп.

САККО. Тогда чего вы хотите?

РИС. Я хочу о вас написать.

САККО. Написать что?

РИС. Только правду.

САККО. Почему вы хотите написать обо мне?

РИС. Это моя работа. Я пишу.

САККО. Для газет?

РИС. Да, для газет.

САККО. Газеты – дерьмо. Ты читаешь газету, а ложь прилипает к пальцам. Приходится отмывать руки. Но запах остается. Газеты воняют ложью.

РИС. Я ложь не пишу.

САККО. Вам платят, чтобы писать ложь. Вы пишете то, что вам говорят. За деньги вы напишите, что угодно. Я вас знаю. Вы не хотите правды. Вам нужна ложь, чтобы вас не мучила совесть за ненависть к тому, чего вы не понимаете. Вы берете деньги, чтобы превращать правду в дерьмо. Вы собаки, дерущиеся из-за куска мяса.

РИС. Вы меня не знаете.

САККО. Я знаю, на кого вы работаете. Не хочу с вами говорить.

РИС. Вы работаете на обувной фабрике, так?

САККО. Сейчас я нигде не работаю.

РИС. Вы получаете деньги за вашу работу или выполняете ее бесплатно?

САККО. Я зарабатываю на жизнь. Потому и работаю. Чтобы кормить детей и жену. Кто теперь будет кормить моих детей и жену? Как я могу их кормить, если меня посадили под замок?

РИС. Вы изготавливаете обувь. Я пишу истории. Вы работаете с кожей. Я использую слова. Я писал о войне на Кубе, и меня уволили, потому что я говорил правду. Я писал о войне во Франции, и меня увольняли дважды, потому что я говорил правду. Майор Керли из Бостона ударил меня, потому что я написал правду и назвал его вором, и меня уволили. Ладно, сначала я ударил его, а уже потом меня уволили.

САККО. Вас часто увольняли, мистер.

РИС. Я хочу только одного – написать правду о вас и вашем друге Ванцетти. Это все, чего я хочу.

САККО. Вы говорите мне, что не считаете нас виновными?

РИС. Я не знаю, виновны вы или нет. От той стороны я услышал предостаточно. Теперь хочу выслушать вас.

САККО. И вы это напишите?

РИС. Я напишу все, что вы мне скажете, а люди смогут это прочитать и решить, кто есть кто. По-моему, это справедливо.

САККО. В этой стране нет ничего справедливого.

РИС. Нигде нет ничего справедливого. Вы хотите, чтобы люди вас услышали, или нет?

САККО. Вы действительно врезали этому ублюдку Керли?

РИС. Сломал нос. Господи, этот парень умеет ругаться. Готов отдать ему должное. Уродливый, как грех, продажный, с моральными принципами змея, тупой, как столб, набитый дерьмом, как выгребная яма, но ругается виртуозно, как Шекспир.

САККО (*легкая улыбка, лицо вновь становится серьезным, короткая пауза*). Я никого не убивал.

РИС. Тогда почему вы солгали полиции?

САККО. Там, откуда я приехал, в Италии, полиции лгут всегда.

РИС. Здесь не Италия.

САККО. Я – итальянец. И привожу Италию, куда бы ни приехал. В себе. Я пытаюсь везти со собой только хорошее, но, когда куда-то приезжаю, плохое уже там. Где бы ты ни оказался, власть у говнюков.

РИС. То есть вы солгали полиции не потому, что вина лежала на вас, а по привычке?

САККО. Знаете, что они сделали с моим другом Сальседо? Хорошим человеком. Анархистом, как и я. Добропорядочным человеком. Он всегда говорил правду. Для него это было делом чести. Они арестовали его, что допросить. Сказали, что по подозрению в радикальных действиях. Это означает, что он, будучи итальянцем, оказался не в том районе. Поздним вечером моего друга Сальседо привели на верхний этаж здания. А утром девушки, идущие на работу, обнаружили тело Сальседо на тротуаре, с расплескавшимися по бетону мозгами. Этот человек никогда не совершал никаких преступлений. Разве что думал не так, как власть держащие, вот его и выбросили их окна седьмого этажа. Они говорили, что он, должно быть, поскользнулся, а может, взмахнул руками и попытался улететь в Италию, потому что всем известно, какие итальянцы безумные. Вот что они сделали с моим другом Сальседо, который всегда говорил правду.

РИС. Вы солгали полиции, потому что они убили вашего друга?

САККО. Они сказали, его преступление – левацкая литература. Книги. У моего друга были книги. Его преступление состояло в том, что у него были книги. Да что это за страна, если здесь человека убивают за то, что у него есть книги? У нас всех были эти книги и брошюры, которые мы раздавали людям, чтобы знакомить с нашими идеями. Но узнав, что сделали с Сальседо, мы подумали, что нам лучше избавиться от этой литературы, а не то они убьют и нас. Но книг и брошюр было много, поэтому нам понадобился автомобиль, чтобы вывезти все и выкинуть где-нибудь подальше. Автомобиль был у Боды. Вы пошли в гараж, чтобы взять его, но женщина сказала, что автомобиль ремонтируется, и нам нужно зайти позже. А в трамвае, когда мы возвращались домой, полиция арестовала меня и Ванцетти. И что нам было делать? Полиция выбрасывает из окна человека за то, что у него были те самые книги, от которых мы намеревались избавиться. Мы могли сказать полиции, для чего нам требовался автомобиль? Или назвать им имена наших друзей, чтобы их тоже выкинули из окон?

РИС. Но вас арестовали не за это.

САККО. Откуда нам знать, за что нас арестовали?

РИС. Они не назвали вам причину?

САККО. Не требовалась им причина. Нас арестовали, потому что мы – итальянцы.

РИС. Никто не объяснил вам ваши права?

САККО. Мы – бедные люди. Нет у нас никаких прав.

РИС. Это Америка. Права у вас есть.

САККО. Тогда что мы делаем в этой чертовой крысиной норе? И кто будет кормить мою жену и детей, пока я здесь? И что они будут делать, если меня поджарят на электрическом стуле? Кто тогда позаботится о моих детях? Да, прав у меня выше крыши, мистер. Я имею право быть убитым за то, что у меня есть книги. Вечером, после того, как вы придете домой в теплый, уютный дом, сядете за стол, пообедаете, подумайте о моих правах, и о праве моей жены и детей умереть с голоду в холодной и сырой квартире, в которой хозяин дома отключил отопление, потому что, сидя в тюрьме, я не оплачиваю счета. Все знают, что итальянцы – сплошь гангстеры, а любой, кто не может хорошо говорить на английском, наверняка глуп. А если кто использует свои мозги для того, чтобы думать не так, как ему положено, так он преступник. Напишите о моих правах, потому что я хочу стать следующей причиной, по которой вас уволят. Это мечта остатка моей жизни.

(САККО встает и уходит. РИС смотрит ему вслед).

3

(В круге света МИССИС ДЖОНСОН, сидит в свидетельском кресле в зале суда).

МИССИС ДЖОНСОН. Я сразу поняла, с этими людьми что-то было не так.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как вы могли это понять?

МИССИС ДЖОНСОН. Это же очевидно. Они итальянцы. Вели себя, как итальянцы. Вы понимаете. Такие тихие. Вот почему я могла все понять. Потому что они были такими тихими. Когда итальянцы становятся тихими, берегись. Это очень подозрительно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. То есть эти итальянцы вели себя так, что с самого начала вызвали у вас подозрения?

МИССИС ДЖОНСОН. Абсолютно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И что вы сделали после того, как они пришли за автомобилем Боды?

МИССИС ДЖОНСОН. Я велела им подождать, а потом пошла и позвонила в полицию.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И все это время итальянцы вели себя подозрительно?

МИССИС ДЖОНСОН. Очень подозрительно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что они делали?

МИССИС ДЖОНСОН. Им не терпелось уехать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Они нервничали?

МИССИС ДЖОНСОН. Очень нервничали.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как вы определили, что они нервничали?

МИССИС ДЖОНСОН. Как-то стояли очень нервно. Словно хотели побыстрее уехать на этом автомобиле. Это было очень подозрительно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы опасались за свою жизнь?

МИССИС ДЖОНСОН. Да, определенно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему вы опасались за свою жизнь?

МИССИС ДЖОНСОН. Потому что так они себя вели. Потому что очень они нервничали. Снова и снова спрашивали, где их автомобиль, почему они никак не могут его получить. И не вызывало сомнения, что они вооружены.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы видели их оружие?

МИССИС ДЖОНСОН. Нет, оружия я не видела, но в штанах сто-то выпирало. И они итальянцы. У одного были усы. Не вызвало сомнений, что какие-то они странные. Спрашивали и спрашивали, когда получат автомобиль. Они очень хотели уехать. Я задерживала их, как могла. Наконец, сказала, что автомобиль в ремонте.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И как они восприняли эту новость?

МИССИС ДЖОНСОН. Особой радости не выказали.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В тот момент вы боялись, что они вас убьют?

МИССИС ДЖОНСОН. Да. Очень боялась. Но я задержала их, насколько смогла. Чувствовала, что это мой гражданский долг. И теперь я не понимаю, почему мне до сих пор не выплатили положенное вознаграждение? За их арест назначалось вознаграждение, и я эти деньги заработала. Я хочу сказать, эти люди могли убить меня в любой момент. Изнасиловать и убить, прямо в гараже.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы такая храбрая женщина, миссис Джонсон. Такими и должны быть граждане Америки. Просто стыд, что на самом деле большинство американцев совсем другие.

МИССИС ДЖОНСОН. Вы совершенно правы. Бедная женщина против толпы итальянцев. Одному Богу известно, что могло произойти. Меня до сих пор трясет, когда я думаю об этом. Лежу ночью в постели и не могу об этом не думать. Иногда меня так трясет, что я вынуждена вставать глубокой ночью и пропускать стаканчик. Чтобы успокоить нервы. Встреча с этими людьми вызвала у меня серьезный психический стресс. Они могли сделать со мной, что угодно. Что угодно. Мне и теперь сняться кошмары. Иногда мне требуются два стаканчика. Случается, что я пью до утра.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Благодарю вас, миссис Джонсон.

МИССИС ДЖОНСОН. Так кто выдаст мне вознаграждение?

(Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

4

(РИС поздно вечером приходит в свой номер отеля, включает свет и видит дожидаящуюся его АННУ).

АННА. Наконец-то. Я уже подумала, что ты, как обычно, заночевал в какой-нибудь канаве.

РИС. Что ты здесь делаешь?

АННА. Приехала в гости. Сюрприз. Я знаю, что ты придешь в восторг, увидев меня. И восторг читается на твоём лице. Я сказала портюе, что я – твоя дочь. Не думаю, что он мне поверил, но в номер пустил. Я учусь всегда получать от мужчин то, что хочу. Это на удивление легко, такие они глупые. Плюс у меня создалось впечатление, что я не первая, кто попадает в твой номер, заявив, что она – твоя дочь.

РИС. Разве ты не должна быть в школе?

АННА. Учебный год закончился. Попытайся скрыть свою радость, вызванную моим приездом. Я не хочу, чтобы ты переволновался, в твоём-то возрасте.

РИС. Я рад тебя видеть, но несколько удивлен, потому что ты никогда не приезжала ко мне. А когда я приезжал к тебе, ты обычно не утруждала себя общением со мной.

АННА. Я – современная деловая женщина.

РИС. Кто-нибудь знает, куда ты уехала?

АННА. Они больше не могут говорить, что я должна делать, а что – нет. С осени я студентка колледжа.

РИС. Анна, как бы ты ни была умна, тебе еще шестнадцать лет.

АННА. И я приехала к своему отцу на летние каникулы. Ты не возражаешь? Потому что если мне не рады, я уеду. Не хочу оставаться там, где мне не рады.

РИС. Я думал, ты возьмешь летние курсы.

АННА. Не нужны мне летние курсы. Я сдала все экзамены раньше. И мне следовало давным-давно выбраться из этого зоопарка для тупых богатых девиц.

РИС. За этот зоопарк для тупых богатых девиц последние четыре года я выплачивал все, что зарабатывал, до последнего цента.

АННА. На выпивку тебе хватало. Номер завален пустыми бутылками.

РИС. И что ты собиралась здесь делать?

АННА. Я хотела повидаться со своим отцом? По-твоему, это нормально?

РИС. Разумеется, нормально. Просто не ждал тебя.

АННА. Что ж, привыкай к этому, папуля. Я собираюсь стать весьма неожиданной женщиной.

РИС. Ты поела?

АННА. Конечно, я поела. Я же не беспомощная. А ты поел? Или просто выпил ужин, как обычно?

РИС. Так ты приехала, чтобы читать мне лекции насчет выпивки?

АННА. Я прочитала твои статьи насчет Сакко и Ванцетти. Весьма неплохо, для такого старика, как ты. Хотя ты страхуешь свои ставки.

РИС. Это как?

АННА. Ты играешь за обе стороны. Действительно здорово расписал, как им состряпали дело, но тебе, похоже, не хватило духу однозначно высказаться, виновны они или нет.

РИС. Я не знаю, виновны они или нет.

АННА. Об этом я и толкую.

РИС. Моя работа – не брать чью-то сторону, Анна.

АННА. Работа каждого – брать чью-то сторону. Всякий раз, когда ты нажимаешь на клавишу пишущей машинки, ты берешь чью-то сторону. Не брать чью-то сторону – все равно, что отнести себя к людям, которые слишком трусливы, чтобы связать себя какими-то обязательствами. В структуре ада Данте это люди, о которых забыл Бог.

РИС. Значит, ты приехала, чтобы прочитать мне лекцию по журналистской этике?

АННА. Что ж, кто-то должен прочитать. Ты сможешь отвести меня к ним?

РИС. С какой стати мне отводить тебя к ним?

АННА. Потому что я хочу о них написать.

РИС. Думаю, не получится.

АННА. Я умею писать. Я хорошо пишу.

РИС. Я знаю, что умеешь. Но свою дочь я в тюрьму не поведу.

АННА. Я – аккредитованный репортер.

РИС. От школы-интерната для девочек.

АННА. От колледжа Смита. Я уже публиковалась во многих газетах. Мне просто нужно написать о важном событии. И это мой шанс.

РИС. Нет.

АННА. В чем дело? Боишься, что я напишу лучше тебя?

РИС. Я не хочу, чтобы ты влезала в такую историю.

АННА. Какую историю? Ты про жизнь? Ты не хочешь, чтобы я влезала в жизнь? Но от этого никуда не денешься.

РИС. Это действительно мерзкий бизнес, Анна.

АННА. Это твой бизнес.

РИС. Я надеялся, что ты найдешь занятие получше.

АННА. Например?

РИС. Не знаю. Но не журналистику.

АННА. Не тебе говорить, что мне делать с моей жизнью. Ты бросил меня, когда я была маленькой девочкой.

РИС. Я тебя не бросал.

АННА. Ты отправил меня в интернат при первой же возможности².

РИС. Я не мог таскать маленькую девочку по всей стране.

АННА. Это почему? Я бы получила куда лучшее образование, чем в этой фабрике благовоспитанного дерьма, где ты меня запер.

РИС. Я не хочу вновь спорить об этом.

АННА. Мы и не спорим. Никогда не спорили. Ты отказывался об этом говорить.

РИС. Большую часть времени ты не разговаривала со мной.

АННА. Потому что тебя никогда не было рядом. Всю мою жизнь тебя никогда не было рядом. Ни единого раза.

РИС. Я зарабатывал деньги на твое содержание.

АННА. Что ж, скоро тебе не придется этого делать, потому что отныне я намерена обеспечивать себя сама. Но для этого мне нужно что-то серьезное, настоящая история, важная, в масштабе всей страны. Неужели тебе так сложно сделать это для меня?

РИС. Почему бы тебе просто не наслаждаться жизнью, пока ты молода?

АННА. Я пытаюсь, но ты мне не позволяешь.

РИС. Не хочу я, чтобы ты с этим связывалась.

АННА. Ты просто не хочешь, чтобы я была рядом.

РИС. Это неправда.

АННА. Ты боишься, что я помешаю тебе пить и бегать за юбками. Что ж, об этом можешь не волноваться, папуля. Я готова пойти с тобой и в бордель. Только для того, чтобы записывать впечатления. Я уверена, эти записи могут мне пригодиться, когда я начну половую жизнь. Плюс, это профессия, которая может оказаться весьма кстати, если с журналистикой не сложится.

РИС. Послушай меня хоть раз в жизни. Это не шутка. Дело очень серьезное. Этот процесс – взрыв, который может произойти в любую минуту. Люди очень злы. Людей арестовывают и избивают на улицах. Люди подкладывают бомбы. И дальше будет только хуже. Я не хочу, чтобы мой ребенок оказался в эпицентре всего этого.

АННА. Мне без разницы, чего ты хочешь. Ты у меня в долгу. Ты меня бросил, чтобы заниматься всем этим. Теперь я выросла и тоже хочу поучаствовать. Тебе не нравится, что я избегала тебя, когда ты приезжал ко мне? Ладно. Я приехала к тебе. И кто теперь от кого убегает? Не я. Так что выбор за тобой, Рис. Что ты собираешься со мной делать? Собираешься отослать меня прочь? Если да, но не рассчитывай увидеть меня вновь. Это твой последний шанс. Воспользуйся им или откажись.

РИС. Не пытайся меня шантажировать.

АННА. Что такое? Ты меня боишься? Думаю, да. Ты меня боишься. Боишься, что я буду рядом. Боишься, что я увижу, какой ты на самом деле.

РИС. Я тебя не боюсь. Если на то пошло, я от тебя в ужасе, но не в этом дело.

АННА. Значит, не хочешь, чтобы я осталась. Хорошо. Я уйду. Никаких проблем. *(Поднимается, чтобы уйти)*.

РИС *(хватает за руку, чтобы остановить)*. Подожди.

АННА *(яростно вырывает руку)*. Не трогай меня. Никогда не смей меня трогать. Нет у тебя права прикасаться ко мне. Ни у кого нет. Это ясно?

РИС. Я просто не хочу, чтобы тебе причинили боль.

² Эта история подробно описана в пьесе «Хроники».

АННА. Ты только сейчас начал об этом тревожиться?

РИС. Я тревожился об этом каждую секунду с самого твоего рождения.

АННА. Ты не сможешь защитить меня от жизни. Ты сможешь разделить ее часть со мной, если я тебе позволю, или ты можешь отпустить меня совсем. Выбор за тобой. Хочешь ты, чтобы я ушла или нет?

РИС. Нет, я не хочу, чтобы ты уходила.

АННА. Тогда хоть разпусти меня в свою жизнь. Позволь мне пойти с тобой. Я тоже хочу писать эту историю. Хочу пойти с тобой в тюрьму, когда у тебя будет следующая встреча с ними.

РИС. Не уверен, что я смогу об этом договориться.

АННА. Нет. Мне этого недостаточно.

РИС. Я не контролирую тюремную систему. Чего ты от меня хочешь?

АННА. Я не прошу тебя быть отцом. Об этом не волнуйся. От этого я отказалась давным-давно. Я просто хочу учиться. Научи меня, как это делается. Покажи, как это делаешь ты. Я хочу понять, что и как работает. Политика. Законы. Правосудие. Мне надоело только читать об этом. Я хочу видеть, как все происходит, в реальном мире. Вот чему я хочу научиться. И это ты можешь мне дать.

РИС. А что потом?

АННА. Потом я хочу об этом писать. Лучше, чем ты.

РИС. Не соперничай со мной. Это пустая трата времени.

АННА. Думаешь, я не смогу писать лучше, чем ты?

РИС. Я думаю, речь совсем не об этом. А если ты думаешь, что об этом, научиться тебе придется многому.

АННА. Так научи меня. Передай мне то, что знаешь. Впервые за мою жизнь дай мне то, что я хочу.

(РИС смотрит на нее. Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

5

(В круге света кресло для свидетелей, в нем теперь сидит Анжело Гвидобоне, бедный итальянец. СУДЬЯ ТЕЙЕР за столом на возвышении, по большей части в тени).

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Имя?

ГВИДОБОНЕ. Анжело Гвидобоне.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Занятие?

ГВИДОБОНЕ. Моя работа – коврики. Я работаю на фабрике ковровых покрытий. Изготавливаю коврики.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы знакомы с обвиняемым Ванцетти?

ГВИДОБОНЕ. Да. Я знаю его шесть лет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И вы заявляете, что видели Ванцетти пятнадцатого апреля тысяча девятьсот двадцатого года?

ГВИДОБОНЕ. Да, я его видел.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Где вы его видели?

ГВИДОБОНЕ. В Плимуте. Он продавал рыбу на улице.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы купили у него рыбу?

ГВИДОБОНЕ. Нет. У меня не было денег, поэтому он отдал мне рыбу. Отличную треску. Я до сих пор не расплатился с ним. Я заплачу тебе, когда ты выйдешь на свободу, хорошо, Барт?

СУДЬЯ ТЕЙЕР. Не разговаривайте с подсудимым.

ГВИДОБОНЕ. Извините, Ваша Честь. Я забыл.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но вы помните, что видели Ванцетти пятнадцатого апреля?

ГВИДОБОНЕ. Конечно. Я это помню.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Откуда такая уверенность, что это было пятнадцатого апреля?

ГВИДОБОНЕ. Потому что девятнадцатого мне вырезали аппендицит. Вы можете это проверить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да причем здесь ваш аппендицит? Вы не могли получить эту треску от Ванцетти двенадцатого или тринадцатого?

ГВИДОБОНЕ. Нет, нет. Так долго рыбу я не держу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы в этом уверены?

ГВИДОБОНЕ. Неделю рыбу в доме не держит никто. Она все провоняет. Вы не знаете, потому у вас в доме удобный ледник. Я покупаю рыбу в четверг и ем ее в пятницу. Я ему рыбу в пятницу, потому что я – католик. Пятнадцатое апреля – это четверг, так? Я получил рыбу от Ванцетти в четверг. В понедельник попал в больницу. Не из-за рыбы. Из-за аппендицита. Я не покупаю рыбу во вторник или среду, чтобы съесть ее в пятницу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. То есть не могли вы купить рыбу в среду?

ГВИДОБОНЕ. Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы говорите суду, что никогда в жизни не покупали рыбу в среду?

ГВИДОБОНЕ. Никогда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но почему вы так уверены?

ГВИДОБОНЕ. Потому что я не люблю рыбу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Если вы не любите рыбу, почему покупаете ее?

ГВИДОБОНЕ. Вы ведь не католик, мистер?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Просто отвечайте на вопрос.

ГВИДОБОНЕ. Мы не можем есть мясо по пятницам, поэтому мы едим рыбу. Мы не можем долго держать рыбу в доме, потому что у нас нет ледника. Поэтому я покупаю рыбу в четверг и ем в пятницу. С какой стати я буду держать в доме вонючую рыбу целую неделю, если я даже ее не люблю? Вы думаете, я чокнутый?

(Свет в зале суда гаснет).

6

(Тюрьма. САККО, ВАНЦЕТТИ, РИС и АННА).

ВАНЦЕТТИ. Это радость, которая выпадает мне нечасто – увидеть красивую девушку. Я благодарен судьбе за такой подарок.

АННА. Благодарю, мистер Ванцетти, но я не просто красивая девушка. Я – репортер.

РИС. Она – моя дочь. Пришла, чтобы учиться.

ВАНЦЕТТИ. Я думаю, у нее хороший учитель. Я читал некоторые статьи вашего отца. Он смелый. Не прогибается перед богачами, даже когда работает на них. Это хорошо. Дает мне надежду. И помогает изучать английский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.